

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ,

повествующая о том, как дьявол-оборотень воздвигнул ложный храм, назвав его малый храм Раскатов грома, и как четверо путников попали в большую беду

Причины и следствия бед, о которых мы здесь говорим,
Вещают о том, сколь мы в жизни бываем неправы,
Когда по неведению зло вместо блага творим,
Когда вместо пищи духовной вкушаем отраву!
Все помыслы наши мирские, все тайное с миром родство
Известны всевышнему, но не меняет теченья
Намерений наших греховных само божество,
Желая, чтоб жили мы по своему разуменью.
Нельзя научиться безумью, нельзя научиться уму —
Мы качествам собственным следуем с самого детства...
Быть умным иль глупым? О, кто нас обучит тому,
Коль в мире еще не открыто подобное средство?
Пусть каждый, при жизни стремясь к совершенству прийти,
Как кормчий рулем, неуклонно владеет собою,
Иначе собьется невольно с прямого пути
И будет метаться без цели по воле прибоя.
Познавший истоки свои и всего, что живет,
Себя сохранит от опасностей перерождений;
Покорный учению Будды — себя соблюдет
От власти греховной и от слепоты наваждений.
Отверзший соблазнам и очи, и слух, и уста
Навеки себя погружает в пучину печали.
Лишь тот, кто добра преисполнен, чья совесть чиста,
На птице Луань вознесется в пресветлые дали.
За благо содеянное воздадут в небесах,

По действиям прошлым достойный получит награду,
Как равный войдет он в обитель безмерной отрады —
У входа ее добродетель стоит на часах!

Танский монах, только и помышлявший о том, чтобы быть почтительным и искренним,
пользовался покровительством всех небесных духов, даже духи трав и деревьев прониклись к
нему уважением; они провели его к себе и всю ночь с ним вместе развлекались стихами.

Наши путники, выбравшись из терновников, которые кололись больше иголок, больше уже не
встречали на пути своем цепких лоз и лиан. Они продолжали идти на Запад и шли уже
довольно много времени. Снова кончилась зима и наступили весенние дни.

Пора любви в природе наступила,
По вешнему переместились звезды,
Все травы на земле зазеленели,
Побеги набрались чудесной силы,
Щебечут птицы, вьют и лепят гнезда —
Весна проснулась в новой колыбели!
Зима прошла, ее как не бывало!
Листвой лепечущей оделись ивы,
С вершины горной, нежно пламенея
Заря спускается потоком алым —
То зацветают персики и сливы.
Глядишь вокруг — и красками Ван Вэя
Все взоры привлекает и чарует.
Как музыка прелестных слов Су Циня
Доносятся певцов крылатых трели,
С цветка к цветку перелетают пчелы,
Природа обновленная ликует
Под солнцем золотым, под небом синим!
Ручьи, как колокольца, зазвенели,

И сердце переполнилось весельем,
Чудесным чувством нежности и счастья;
Его лучи весенние согрели
И не страшат весенние ненастья!

Ученики Танского монаха, любуясь красотами природы, следовали за конем своего наставника, который замедлил ход. Путники все шли и шли, и неожиданно перед ними выросла высокая гора, которая, казалось, соединялась с небом. Указывая плетью на гору, Танский монах обратился к своему старшему ученику:

— Гляди-ка, Сунь У-кун! Эта гора настолько высока, что кажется, будто она соединяется с небом и даже достигает Млечного Пути.

— Разве вы забыли древние стихи:

Мой друг, на свете нет горы такой,
Что с небом бы сравнялась высотой!

— ответил Сунь У-кун. — Как бы высока ни была гора, она никогда не достигнет неба. Разве может земная гора соприкасаться с небесной лазурью?

— Если, по-твоему, гора не может соприкасаться с небом, — вмешался Чжу Ба-цзе, — то почему же горы Куэньлунь называют опорой неба?

— Ты, видно, не знаешь, что исстари в северо-западной части неба был пролом, — насмешливо ответил Сунь У-кун. — Горы Куэньлунь как раз находятся под северо-западной частью небосклона. Поэтому про них говорят, что они подпирают небо и заслоняют брешь.

Ша-сэнь стал смеяться:

— Брат, ты ему не рассказывай таких замечательных вещей, а то он наслушается и опять натворит что-нибудь. Давайте лучше прибавим шаг, взберемся на гору и узнаем, насколько она высока.

Дурень Чжу Ба-цзе пустился наперегонки с Ша-сэнем, то забавляясь, то ссорясь с ним. Конь у наставника полетел словно на крыльях, и вскоре путники очутились у подножья горы. Они начали подниматься вверх, ступая шаг за шагом, и вскоре глазам их представилась картина необычайной красоты.

Вот послушайте:

Бывает же такая красота,
Которой невозможно не плениться!
Бывает же такая высота,
Которой не достигнет даже птица!
Бывает же такая крутизна,
Что даже дух ее не одолеет,
И облаков такая белизна,
Что иней перед нею потемнеет!
Воистину, чудесная гора
Пред путниками нашими предстала!
Ее, как одеянье, облежала
Шершавая гранитная кора,
Ущельями покрытая, местами
Грозящая зубцами темных скал,
Таящая губительный обвал
Иль скрытая зелеными лесами. Вершина, подпирая свод небесный,
Своим подножьем уходила в бездну.
А сколько в тех лесах гнезилось птиц,
А сколько серн там было и оленей,
Седых енотов, огненных лисиц,
И обезьян различных поколений!
Но можно было слышать там порой
И тигра кровожадного рычанье,
И волка душу ледящий вой,
Пугающие робкие созданья.
Увидеть можно было там не раз
Как, выйдя из засады, барс пятнистый,
С безвинной жертвы не спуская глаз,

Крадется тихо по тропе тенистой.

У Танского монаха при виде хищных зверей сердце сжалось от страха.

Но вы посмотрели бы, читатель, как Сунь У-кун, обладавший огромной волшебной силой, взмахнул своим посохом с золотыми обручами и рявкнул... Все звери с перепугу расступились, а он проложил дорогу и провел своего наставника прямо к вершине горы. Они благополучно перевалили через нее и спустились по западному склону на ровное плато. Тут они вдруг заметили чудесное сияние и клубы разноцветных воспарений, исходивших от дворцовых построек с высокими стенами и башнями. До их слуха донеслись мелодичные звуки колокола и била.

— Братья! — воскликнул Танский монах. — Посмотрите, что это за обитель?

Сунь У-кун поднял голову, приложил руку к глазам и стал всматриваться. До чего же красивое место он увидел! Вот уж поистине:

Обитель та чудесный вид являла:

Она невольно взоры привлекала

И благолепием и роскошью своей.

Святыни древние она напоминала,

И все ж немногие из них, пожалуй,

Своей красой могли б сравниться с ней.

Сквозь переплеты сучьев и ветвей,

Усыпанных прозрачною росой,

Блистающие сотнями огней

Виднелись малахитовые стены

С воротами из яшмы драгоценной,

И лестницы из розовых камней,

Пурпурные крученые перила,

Лазурные узорные стропила,

Тяжелые заслоны у дверей.

Вдали, подобный сну, подобный чуду,

Ввысь устремляется храм благого Будды

В неясном свете утренних лучей.
Так, разодрав завесу из туманов,
Предстал священный монастырь шраманов
Пред взглядом очарованных очей.
Все здесь великой прелестью пленяло,
Все расцветало, все благоухало,
Пел песню нежную свою ручей,
И вторил песне той в садах тенистых
Хор птичий, неумолчный, серебристый,
И светлым днем и в сумраке ночей.
Садам обители Циао лишь подобен,
И с ними он один соперничать способен.
Да, видно, был тот зодчий чародей,
Что в небо вывел башни из порфира:
Взглянув оттуда, ты узришь полмира,
Пространства снежные и синеву морей.
В покоях, где читаются деянья,
Луна в окно струит свое сиянье,
И тысячи лампад оно светлей;
Все стены отливают перламутром
В покое дивном, где внимает сутрам,
Вдыхая фимиам, толпа людей.
Откроешь ты трехстворчатые двери,
И, выглянув, своим глазам не веря,
Подумаешь, что вдруг попал в Шэвэй.
Под небом звон струится колокольный,
Неся далеко над землей привольной
Искусство монастырских звонарей.

Свет солнечный здесь кажется отрадней,
А горный воздух чище и прохладней,
И ветерок приятней и свежей.
Здесь мир и добродетель, торжествуя,
Не допускают суету мирскую
С ее потоком гибельных страстей,
Здесь места нет соблазнам и обманам,
Желаньям плоти и иным дурманам,
Здесь не расставить злу своих сетей.
Здесь праведник, отринув с миром битвы,
Предастся в тишине спасительной молитве.

Осмотрев все, что охватывал взор, Сунь У-кун ответил своему наставнику:

— Учитель! Это в самом деле монастырь, но почему-то сквозь божественное сияние проступают струйки зловещего духа. С виду монастырь этот очень походит на храм Раскатов грома, но нам ни в коем случае не следует входить туда по своей воле, чтобы не попасть в лапы злодеям.

— Если ты говоришь, что монастырь похож на храм Раскатов грома, не значит ли это, что перед нами священная гора Линшань? Перестань дурачиться и не томи меня.

— Нет, нет! — отвечал Сунь У-кун. — Я ведь несколько раз бывал на священной горе Линшань и хорошо знаю дорогу.

— Ну, пусть даже так, — вмешался Чжу Ба-цзе, — все равно здесь наверняка живут добрые люди.

— Что думать да гадать! — сказал тут Ша-сэн. — Наша дорога пролегает мимо ворот монастыря. Вот мы и посмотрим, что это за монастырь.

— Совершенно верно, — сказал Сунь У-кун. — Ша У-цзин прав.

Танский монах стал подстегивать коня и, когда достиг ворот монастыря, то увидел вывеску, на которой красовались три больших иероглифа: «Храм Раскатов грома». В страхе и смятении он свалился с коня наземь и простерся перед воротами, сердито ворча на Сунь У-куна:

— Ах ты, противная обезьяна! Погибель ты моя! Ведь это храм Раскатов грома, а он вздумал еще потешаться надо мной!

Сунь У-кун услышал его ворчанье и засмеялся:

— Наставник! Не сердись на меня, а лучше взгляни хорошенько еще раз на вывеску. Ведь на ней не три, а четыре иероглифа. Как же это ты прочел только три и сразу стал бранить меня?

Танский монах, дрожа всем телом, поднялся на ноги, еще раз взглянул на вывеску и убедился, что на ней в самом деле четыре иероглифа: «Малый храм Раскатов грома».

— Ну и что же? — произнес он. — Пусть малый храм, но и в нем, безусловно, тоже находится Будда. Ведь в священных книгах говорится о трех тысячах Будд, стало быть Будда не находится в одной только стороне: подобно богине Гуаньинь у Южного моря на горе Эмэй и Вэньшу на горе Утай. Это, конечно, монастырь одного из Будд. У древних мудрецов есть такое выражение: «Где Будда, там и его учение». Я думаю, мы можем, откинув страх и сомнение, войти сюда!

— Нет, ни в коем случае! — вскричал Сунь У-кун. — Сюда заходить нельзя. Здесь мало добра, зато много зла. Если что-нибудь с нами случится, не пеняй на меня!

— Ну, пусть даже мы не найдем здесь живого Будды, но ведь его изображение должно быть на своем месте, — продолжал настаивать Танский монах. — Я хочу исполнить свой обет: поклоняться Будде везде, где встретится его обитель. С какой же стати я буду пенять на тебя?

И он велел Чжу Ба-цзе достать рясу, сменил свой головной убор, подпоясался и, приняв осанистый вид, торжественно направился вперед.

В это время в воротах кто-то крикнул:

— Танский монах! Что же ты не идешь, почему медлишь? Ты ведь прибыл сюда из восточных земель поклониться нашему Будде!

Танский монах при этих словах тотчас начал отбивать поклоны. Чжу Ба-цзе встал на колени и тоже бил челом об землю. Ша-сэнь вслед за ним повалился на колени, и только один Великий Мудрец Сунь У-кун невозмутимо стоял позади них и, держа коня под уздцы, приводил в порядок поклажу. Путники вступили в монастырь и, когда дошли до вторых ворот, глазам их представился великий дворец Будды Татагаты. Перед входом, внизу, у престола Будды, выстроились рядами пятьсот архатов, три тысячи подвижников, вникших в учение Будды, четыре махарачжи — хранителя Будды, восемь бодисатв, монахини-бикшуни, упаны, упасики, а также бесчисленные толпы премудрых монахов и праведников. Вот уж поистине это зрелище являло собой картину, достойную быть воспетой в стихах:

Благоуханные цветы своею красотой блистают,

А благовещие пары над ними в воздухе витают.

Танский монах, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн так были смущены этим зрелищем, что еле-еле продвигались вперед, на каждом шагу отвешивая поклоны. Так они дошли до священного трона и с поклоном остановились перед ним. Только Сунь У-кун не кланялся.

Вдруг с того места, где находился трон, устроенный в виде цветка лотоса, послышался злой окрик:

— Эй! Сунь У-кун! Ты почему не кланяешься, представ перед Буддой Татагатой?

Сунь У-кун внимательно всмотрелся в того, кто крикнул, и, распознав в нем обманщика, выдававшего себя за Будду, бросил коня и узлы с поклажей и вооружился посохом.

— Ах ты, негодная скотина! — заорал он. — До чего же ты обнаглел? Как посмел ты принять вид Будды и осквернить его чистую добродетель?! Стой! Ни с места!

С этими словами Сунь У-кун стал вращать колесом свой посох и бросился вперед, намереваясь побить обманщика. Но в этот момент в воздухе что-то звякнуло и вниз полетела пара музыкальных тарелок из золота, которые сжали Сунь У-куна с обеих сторон вместе с головой и ногами и захлопнули его. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, придя в смятение, поспешно выхватили один — грабли, другой — волшебный посох, но не успели они и пальцем шевельнуть, как их сразу же окружили плотным кольцом все архаты, приверженцы Будды, премудрые монахи и праведники. Танского монаха тоже схватили, и их всех вместе крепко-накрепко связали толстыми веревками.

Восседавший на троне обманщик оказался царем оборотней, а вся толпа, которая стояла перед его троном, в том числе и архаты, — разными мелкими оборотнями и чертями. После того как пленники были связаны, оборотень принял свой настоящий облик и поволок свои жертвы в заднее помещение, где спрятал их, а Сунь У-куна так и оставил в металлических тарелках. Тарелки были возложены на драгоценный трон Будды и по истечении трех суток находившемуся в них Сунь У-куну суждено было превратиться в сгусток гноя и крови. После этого царь оборотней предполагал посадить учеников Танского монаха в железные решета, сварить их и съесть.

Все эти печальные события описаны в стихах:

Мартышка наша, зоркое созданье,

Сумела ложь от правды отличить

И духов злых в обмане обличить;

Последователь школы созерцанья

Сумел узреть лишь образ золотой,
Пред ним, как пред святыней, преклонился,
Поклоны бил и Чжу Ба-цзе дурной,
Да и Ша-сэн, то видя, соблазнился.
К тому ж он был почти совсем слепой!
А оборотень злой, себе поживу чужая,
В упрямой голове мысль затаил такую;
Природе истинной наперекор пойти,
Монахов с истинного совратить пути
И загубить людей, угодных небу:
Погибель их злодею на потребу.
Недаром же про дьявола толкуют;
«В его ученье правды ни на грош,
Зато коварства много там найдешь!».
Попали странники в беду лихую...
И ты себе такую ж обретишь,
Когда не в те ворота попадешь!

Толпа оборотней стала стеречь Танского монаха и его спутников, спрятанных в заднем помещении. Там же привязали коня. Рясу и головной убор Танского монаха уложили в узел и тоже спрятали вместе с остальными вещами путников. О том, какие еще были введены строгие меры, мы здесь рассказывать не будем.

Вернемся к Сунь У-куну, зажатому тарелками. Его окружал непроницаемый мрак, и он обливался потом от нестерпимой жары. Мечась из стороны в сторону, он не находил выхода и, доведенный до исступления, стал яростно колотить своим посохом куда попало, однако тарелки ни на волос не поддались! Не зная, что придумать, Сунь У-кун решил пробить тарелки и бросился на их стенки всем своим телом; затем он прочитал заклинание и сразу же вырос в высоту на тысячу с лишним чжан. Но, о чудо! Тарелки соответственно увеличились и нисколько не разжались. Даже луч света не проникал сквозь них. Тогда Сунь У-кун снова прочел заклинание и уменьшился до размеров горчичного зернышка, однако тарелки соответственно уменьшились, и снова никакого просвета в них не оказалось. Сунь У-кун взял свой железный посох, дунул на него и воскликнул: «Изменись!» Посох сразу же превратился в шест, похожий на древко с перекладиной, как для хоругвей. Сунь У-кун раздвинул шестом стенки тарелок, а затем нащупал на затылке самые длинные волосы, выдернул два и крикнул: «Изменись!» И волосы превратились в сверло с пятью лепестками, напоминающими цветок

сливы. Сунь У-кун приладил сверло к посоху и начал сверлить, вращая более тысячи раз. Раздался скрежет, но ничего не получилось, ни малейшего углубления. Сунь У-кун заволновался, но все же еще раз прочел заклинание:

— Аньлань! О мир невозмутимого покоя Будды! Цянь-юань-хэн-ли-чжэнь.

Сразу же снаружи слышались голоса повелителей духов пяти стран света, духов-служителей Лю-дина и Лю-цзя и восемнадцати духов—хранителей кумирен и пагод.

— Великий Мудрец! — разом воскликнули все духи-небожители. — Мы давно уже здесь: защищаем твоего наставника и не допустим, чтобы дьявол-оборотень причинил ему вред. Зачем ты вызвал нас к себе?

— Мой наставник не послушал меня, — ответил Сунь У-кун, — и если даже его лишат жизни, я о нем не пожалею! А вас я прошу как можно скорей разнять эти тарелки, освободить меня, и тогда мы решим, как действовать дальше. Здесь у меня совсем темно, свет не проникает, я задыхаюсь от жары. Так и умереть недолго!

Все духи взялись за тарелки, но тарелки будто срослись вместе, и их нельзя было разнять ни на волосок. Тогда Златоглавый дух крикнул Сунь У-куну:

— Великий Мудрец! Эти тарелки волшебные. Они словно срослись, и мы не в силах разжать их!

— Да я уже пускал в ход все свое волшебство: ничего не вышло, — отозвался Сунь У-кун.

Златоглавый дух, услышав эти слова, тотчас велел духу Лю-дин взять под защиту Танского монаха, а Лю-цзя — сторожить тарелки. Духам — хранителям кумирен он приказал вести разведку, а сам вознесся на благодатном луче к Южным небесным воротам. Не дожидаясь, пока его позовут, он вошел прямо во дворец Чудотворного неба и распростерся ниц перед Нефритовым императором, докладывая ему:

— О владыка всех владык. Я — повелитель духов всех пяти стран света, вникающих в явления природы, взываю к тебе. Известный тебе Великий Мудрец, равный небу, Сунь У-кун, которому поручено охранять Танского монаха в его паломничестве за священными книгами, проводил своего учителя через гору, на которой стоит монастырь под названием малый храм Раскатов грома. Танский монах принял эту гору за священную гору Линшань и вошел в монастырь поклониться Будде. Но оказалось, что это дьявол-оборотень воздвигнул ложный монастырь, подделав его под монастырь Будды, с тем чтобы завлечь и погубить Танского монаха с его спутниками-учениками. Он заключил Великого Мудреца в металлические музыкальные тарелки, и ему никак не выбраться из них. Они так плотно сомкнулись, что Сунь У-кун того и гляди задохнется. Я явился лишь затем, чтобы известить тебя о случившемся!

Нефритовый император тотчас отдал распоряжение:

— Срочно отрядить духов — правителей всех двадцати восьми созвездий к малому храму Раскатов грома, чтобы они освободили всех страждущих и покарали дьявола-оборотня!

Духи — правители двадцати восьми созвездий не посмели мешкать и вместе с правителями духов пяти стран света вышли из небесных ворот, а через миг вошли в ворота монастыря. Уже наступило время второй ночной стражи, и все бесы, большие и малые, вкусившие щедрое угощение по случаю поимки Танского монаха, улеглись спать. Воспользовавшись этим, духи—повелители двадцати восьми созвездий приблизились к металлическим тарелкам и объявили Сунь У-куну о своем прибытии:

— Великий Мудрец! Мы прибыли по повелению Нефритового императора, все двадцать восемь повелителей духов двадцати восьми созвездий. Нам велено выручить тебя!

Сунь У-кун очень обрадовался и сказал им:

— Разбейте своим оружием тарелки, и я окажусь на свободе.

— Нет, мы пока не смеем разбивать их! — ответили духи. — Ведь этот талисман сделан из цельного золота. Если мы будем ударять по нему, то поднимется такой звон, что все злые духи, дьяволы и оборотни переполошатся, и тогда нам трудно будет спасти тебя. Мы лучше попробуем разжать их с помощью оружия, а ты, как только заметишь просвет, так сейчас же выскользни через него.

— Ладно! — согласился Сунь У-кун.

И вот духи с великим усердием принялись разжимать тарелки! Кто копьем, кто острием меча, кто ножом, кто топором, кто плечом, кто руками, одни тащат, другие тянут... Так они провозились до третьей стражи, но тарелки ничуть не разжались, словно слитые из одного куска. Сунь У-кун метался из стороны в сторону, надеясь увидеть где-нибудь отверстие, но все его старания были тщетны: нигде никакого просвета не было видно.

Тогда вмешался дух созвездия Дракона, способный пробивать металлы.

— Великий Мудрец! — вскричал он. — Не волнуйся! Судя по всему, с помощью этого талисмана можно делать все, что угодно, он обладает способностью всевозможных превращений. Ты шарь руками по всему шву, а я попробую просунуть свой рог. Как только нащупаешь кончик рога, так сейчас же превращайся в крохотное существо и вылезай наружу.

Сунь У-кун так и сделал. Он стал шарить изнутри, а дух созвездия Дракона тем временем уменьшился настолько, что кончики его рогов стали тонкими, как острие иглки. Он попытался вонзить свой рог между тарелками и надавил с такой силой, которой было бы достаточно, чтобы сдвинуть с места тысячу цзиней. Наконец один его рог прошел насквозь. Тогда дух прибег к волшебству и приказал «Расти!» Он и его рога сразу же начали увеличиваться, причем вонзенный рог сделался толщиной с чайную чашку. Однако тарелки

вели себя совсем не как металлические, а скорее как кожаные или мясные: отверстие в них, проделанное рогом, тоже увеличивалось и плотно облегалo рог, так что не оставалось даже крохотной щелочки. Сунь У-кун нащупал кончик рога и тут же горестно воскликнул:

— Ничего не выйдет! Нигде никакой лазейки! Что поделаешь? Придется тебе претерпеть острую боль ради того, чтобы я выбрался отсюда.

О, чудесный Сунь У-кун! Он превратил свой посох в сверло и высверлил им маленькую ямку на самом кончике рога, а затем, став величиной с горчичное зернышко, забился в эту ямку и крикнул:

— Ну, вытаскивай свой рог! Только живее.

Духу созвездия Дракона, однако, пришлось затратить немало усилий, чтобы вытащить свой рог, и он тут же в изнеможении рухнул наземь.

Тем временем Сунь У-кун выскочил из ямки, проделанной им на кончике рога, и принял свой первоначальный облик. Выхватив посох, он с размаху ударил им по тарелкам. Раздался оглушительный грохот, словно рухнула медная гора или обвалился горный рудник. Какая жалость! Драгоценные тарелки, принадлежность буддийского храма, разбились на мельчайшие осколки!

Все двадцать восемь духов — правителей двадцати восьми созвездий обомлели от страха, а у повелителей духов пяти стран света даже волосы встали дыбом. От страшного грохота и звона пробудились все большие и малые бесы. Царь оборотней в испуге проснулся, стремительно вскочил на ноги, напялил на себя одежду, забил в барабан и наскоро проверил ряды собравшихся бесов, явившихся с оружием. К этому времени уже стало светать. Вся ватага бесов кинулась к трону Будды. Там они увидели Сунь У-куна с духами — правителями двадцати восьми созвездий и разбитые золотые тарелки. Царь оборотней даже в лице изменился от сильного испуга и приказал своим приближенным:

— Ребята! Закройте наглухо передние ворота и никого не впускайте!

Сунь У-кун, услышав его распоряжение, вместе со всеми небесными духами взмыл на облаке прямо на девятое небо. Тем временем царь оборотней собрал осколки золотых тарелок, а затем расставил рядами полчище своих бесов за воротами храма. Сам он, горя злобой и не зная, что придумать, вооружился короткой эластичной палицей, усеянной волчьими клыками. Выйдя вперед, он громко крикнул:

— Эй ты, Сунь У-кун! Настоящий муж не станет спастись бегством. Если ты не трус, живей выходи: схватимся с тобой и посмотрим, чья возьмет!

Сунь У-кун не удержался от любопытства. Вместе с духами созвездий он прижал книзу край облака и стал разглядывать царя оборотней. Вот каким он представился Сунь У-куну:

Собой являл он истинное диво:

Чтобы сдержать волос косматых гриву,

Надвинул обруч золотой себе на лоб,

Перепоясан был жгутом, как в поле сноп,

Обвязанный рукою нерадивой.

Нос посреди лица, как спелый плод,

Висел, ему заглядывая в рот,

Который было бы назвать уместно пастью:

Он был пошире, чем у щуки, и зубастей

Блестели брови, желтые, как медь,

А из-под них глаза метали пламя;

Своими волосатыми руками

Держал он палицу, на четверть иль на треть

Усеянную волчьими клыками.

Кольчуга прочная, но тонкая, как сеть,

Охватывала стан его и плечи:

Он, видно, был готов для бранной встречи.

И сколько ни гляди, а взять не сможешь в толк:

То — в шкуре человека или в доспехах волк?

Выставив посох, Сунь У-кун крикнул:

— Ты что за чудовище? И как посмел принять облик Будды, захватить гору и устроить на ней монастырь под названием малый храм Раскатов грома?

— Ты, обезьяна, видно, не знаешь, кто я и как величать меня по имени, а потому и позволил себе дерзость вторгнуться на мою священную гору. Так знай: это место называется Малым западным небом. Я обрел истинное перерождение за свое нравственное самоусовершенствование, за что само небо пожаловало мне эти богатые храмы и чертоги. А зовут меня Желтобровым Буддой. Но здешние жители не знают этого и зовут меня или великим Желтобровым царем, или Желтобровым старцем. Мне давно стало известно, что ты направляешься на Запад. Знал я также, что ты кое-что смыслишь в волшебстве, вот и устроил все так, чтобы завлечь твоего наставника и померяться с тобой силами. Если ты одолеешь меня, я пощажу твоего наставника и всех вас и позволю вам получить истинное перерождение.

Если же не справишься со мной, я всех вас перебую, а сам отправлюсь к Будде Татагате, возьму у него священные книги и буду наставлять на путь Истины цветущую Серединную империю.

— Ишь расхвастался, подлый оборотень! — зло засмеялся Сунь У-кун. — Если хочешь схватиться со мной, подойди поближе. Сейчас я покажу тебе, как надо драться!

Царь оборотней был вне себя от ярости, он отразил удар Сунь У-куна, и тут между ними разгорелся такой замечательный бой, что о нем даже сложены стихи:

Два посоха сошлись между собой несхожих:

Один из них в длину растягиваться может,

Другой из них способен вширь расти.

Одним владеет почитатель Будды,

Другой теперь у дьявола в чести

И служит ревностно ему покуда,

И славу помогает обрести.

Вот, соревнуясь в ловкости и силе,

Враги волшебное оружие скрестили;

Как бы узоры сложные чертя,

Один из посохов по воздуху летает,

Другой ему пути не уступает,

Драконом разъяренным нападает,

Чеканными ободьями блестя.

Один становится длинней, другой — все шире,

И кажется — не два их, а четыре, —

С такой они летают быстротой:

Враги страшны в своем ожесточенье,

Они равны и в злобе и в уменье —

И потому ужасен этот бой!

Мартышка путь проделала немалый,

И всюду хитрость и смекалку проявляла.

Владея истинным учением, она

Ни страха, ни смятения не знала,

И потому всегда была сильна.

А оборотень в дерзостном безумстве

Решился на великое кощунство

И, в дивный образ Будды воплотясь,

Хотел достойных странников заставить

Самих себя сгубить и обесславить,

Но хитрость та ему не удалась,

Он, ненавистью лютою пылая,

Разделаться с противником желая,

Наотмашь посохом своим разил,

Однако Сунь У-кун, ему не уступая,

Удары отбивал, что было сил,

И сам их в исступление наносил.

Пар изо рта клубится, словно туча,

Благого солнца застилая свет,

Туманом их испарины одет

Далекий лес и гор сокрыты кручи.

Враги дерутся, то сходясь, то расходясь,

Забыв про жизнь и смерти не боясь;

Ты, Сюань-цзан, чьи праведны молитвы,

Один невольная причина этой битвы.

Противники схватывались уже более пятидесяти раз, но все еще нельзя было сказать, кто из них победит. Вдруг в воротах монастыря забили в гонги и барабаны. Целая толпа бесов, размахивая знаменами, кинулась с военным кличем к месту боя.

На помощь Сунь У-куну выступили духи — повелители двадцати восьми созвездий и

повелители духов пяти стран света. Все они подняли свое оружие и, грозно вскрикнув, обступили кольцом царя оборотней. Бесы так перепугались, что замерли в оцепенении: барабаны и гонги сразу же умолкли.

Однако царь оборотней не выказывал ни малейшего страха. В одной руке он держал палицу, отражая сыпавшиеся на него со всех сторон удары, а другой достал из-за пояса старый холщовый мешок и подкинул его в воздух. Раздался пронзительный свист, и в мешке сразу же оказался Сунь У-кун вместе со всеми духами—правителями созвездий и с правителями духов пяти стран света. Царь оборотней взвалил мешок на плечи и медленно, важно направился к себе. Бесы приветствовали его восторженными криками и вместе со своим повелителем вернулись в монастырь. Царь оборотней приказал слугам принести пятьдесят веревок покрепче и, развязав мешок, стал доставать оттуда пленников и связывал каждого из них в отдельности. Несчастных так туго связали, что они не могли пошевелиться, а у некоторых даже кожа лопалась. Затем всех унесли в заднее помещение и швырнули на землю.

На радостях царь оборотней приказал устроить торжественный пир, который продолжался с самого раннего утра до поздней ночи. Однако о том, как он закончился и все разошлись на покой, мы здесь рассказывать не будем.

Вернемся к Великому Мудрецу Сунь У-куну и небесным духам, которые лежали, связанные, на земле. Около полуночи Сунь У-кун услышал жалобный плач. Он стал прислушиваться и узнал по голосу своего наставника — Танского монаха, который причитал:

О Сунь У-кун, достойный друг,

Сколь на себя я негодую,

Что вверг вас всех в беду такую...

Не выйти нам из вражьих рук!

За ослушанье я наказан

Зачем твоим словам не внял?

Злой дух, как лев, меня подмял,

Теперь повержен я и связан...

Все подвиги и все труды,

Увы, пропали бесполезно!.

Мы — в прахе под пятой железной,

Враги — победою горды!

Кто нас научит? Как нам быть?

Как нам от пут освободиться?

Свой путь на Запад завершить

И восвояси воротиться?

Сунь У-кун слышал каждое слово и проникся жалостью к Танскому монаху. «Хоть он и не послушался моего совета,— думал Сунь У-кун,— и сам виноват, что попал в беду, все же он не забыл обо мне, несмотря на страдания, которые ему приходится выносить. Надо воспользоваться этой глухой ночью, пока бесы все спят и нет никакой охраны, освободить всех пленников и бежать отсюда!».

До чего же доброе сердце у нашего Сунь У-куна! Он прибег к волшебному способу, уменьшился и, выбравшись таким образом из веревок, опутывавших его тело, подошел к Танскому монаху:

— Наставник! — тихонько окликнул он его.

Танский монах сразу же узнал Сунь У-куна по голосу и спросил:

— Зачем ты пришел сюда?

Сунь У-кун вполголоса рассказал все, что произошло.

— Брат, — взмолился Танский монах, — спаси меня скорей! Обещаю впредь во всем слушаться тебя и никогда не перечить!

Только после этих слов Сунь У-кун решил действовать. Он сперва освободил наставника, затем Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, потом снял веревки с повелителей духов двадцати восьми созвездий и повелителей духов пяти стран света. Наконец он вывел коня и велел всем немедленно выбраться из монастыря; едва они вышли за ворота, как схватились своей поклажи, но никто не знал, куда ее спрятали бесы. Сунь У-кун повернул обратно, чтобы найти поклажу, но дух созвездия Дракона удержал его:

— Я вижу, для тебя вещи дороже жизни, — сказал он, — довольствуйся тем, что тебе удалось спасти своего наставника. Чего ради искать еще какую-то поклажу?

— Разумеется, жизнь дорога, — отвечал Сунь У-кун, — но для монаха его одеяние и плошка для подаяний еще дороже. У нас там осталось проходное свидетельство, парчовая ряса и золотая чаша для подаяний. Все это для истинных последователей учения Будды величайшие ценности. Как можно отказаться от них?

— Брат! Сходи поищи, а мы тем временем выйдем на дорогу и будем ждать тебя, — предложил Чжу Ба-цзе.

Вы бы видели, читатель, до чего предупредительными оказались духи—правители созвездий!

Они окружили Танского монаха со всех сторон и совершили волшебное заклинание. Тут налетел порыв ветерка, и все они благополучно перенеслись через монастырскую ограду прямо на дорогу, спустились с горы и расположились на лужайке в ожидании Сунь У-куна.

Время было примерно около третьей стражи.

Сунь У-кун неслышными шагами пробирался в монастырь, но оказалось, что все двери крепко заперты. Тогда он взобрался на башню, осмотрел окна, но и они тоже были наглухо закрыты. Он хотел было проникнуть внутрь, но побоялся, что заденет оконные рамы и они задребезжат.

Прочитав заклинание, он встряхнулся и превратился в небесную мышь, или, как говорят в просторечье, летучую мышь.

Если вам интересно знать, как выглядит эта мышь, послушайте:

Мордочка и глазки — как у мыши,

Но еще к тому же два крыла,

Цвета темного, собой мала,

И живет под черепичной крышей.

Солнца свет не мил ее очам —

Все она порхает по ночам,

Радуетя лунному сиянью,

На лету хватает комаров,

Поутру летит под темный кров —

Таково ее существованье!

Сунь У-кун нашел незаделанное отверстие в решетине, поддерживающей черепицы крыши, и пролез через него. Он миновал двери и окна и попал во внутреннее помещение, где стал оглядываться и вдруг заметил под окном третьего яруса ярко светившийся столб света, не такой, как от горящих свечей, и не такой, как от светлячков, не похожий ни на зарницу, ни на молнию. У него сильно забилося сердце. Приблизившись к окну, Сунь У-кун увидел, что свет излучают их собственные узлы.

Дело в том, что, когда царь оборотней сорвал с Танского монаха его рясу, ее засунули в узел, не сложив как следует. А эта ряса была священной, ее украшали всевозможные драгоценности: жемчужины исполнения желаний, жемчужины мохни, красный агат, красные кораллы, сожженные кости Будды и жемчуг, светящийся по ночам. Вот почему от узла и исходило дивное сияние. Сунь У-кун очень обрадовался, увидев поклажу. Он принял свой обычный облик, схватил узлы как попало, не обратив внимания на то, как они привязаны к коромыслу,

взвалил на плечи и пустился бегом вниз. Но надо же было так случиться, что один из узлов оторвался от коромысла и с грохотом упал на деревянный настил! А царь оборотней спал в нижнем помещении, как раз под этим настилом. Его разбудил шум, он сразу же вскочил на ноги и стал неистово кричать: «Воры! Воры!» Все бесы, большие и малые, всполошились, стали высекать огонь и зажигать фонари, метались с громкими криками в поисках вора. Вскоре прибежало несколько бесов с докладом: «Танский монах исчез!» — за ними примчались другие: «Сбежал Сунь У-кун и все остальные пленники!» — докладывали они.

Царь оборотней поспешно отдал распоряжение: «Охранять все ворота!».

Сунь У-кун услышал крики и, опасаясь снова попасть в ловушку, бросил поклажу, перекувырнулся через голову и, выпрыгнув за окно, сбежал.

Между тем оборотень всюду разыскивал Танского монаха и остальных пленников, но нигде не мог их найти. Уже стало светать. Он взял свою палицу и во главе всей оравы бесов пустился в погоню. Вскоре он заметил под горой всех духов-повелителей двадцати восьми созвездий и повелителей духов пяти стран света, окутанных густым туманом. Царь оборотней приблизился к ним и грозно закричал:

— Вот и я! Куда вы теперь денетесь?

Дух созвездия Саламандры поспешно стал звать остальных духов:

— Братья! Чудовище явилось!

Все остальные духи — повелители созвездий Дракона, Летучей мыши, Зайца, Лисицы, Тигра, Барса, Однорогого барана, Тельца, Енота, Крысы, Ласточки, Свиньи, Рыси, Волка, Собаки, Кабана, Курицы, Ворона, Мартышки, Обезьяны, Шакала, Овцы, Серны, Коня, Оленя, Змеи и Земляного червя, ведя за собой двух повелителей духов пяти стран света — Златоглавого и Сереброглавого, а также небесных духов Лю-дина и Лю-цзя, духов — хранителей кумирен, вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном, оставили Танского монаха и белого коня-дракона и все - вместе с оружием в руках ринулись на царя оборотней. Но тот поглядел на них и расхохотался. Затем он издал резкий свист, и появилось около четырех, а то и пяти тысяч больших и малых бесов, один другого грознее и сильнее, которые и устремились в бой на западном склоне горы. Тут такая пошла резня, что о ней говорится даже в стихах:

Глава всех оборотней, лют и зол,

Монаха праведного обошел

И вверг его в пучину горькой муки,

А тот не смог противиться ему,

И сам отдался оборотню в руки,

Покорный добронравью своему.
Как быть теперь почтенному монаху?
Исполненный раскаянья и страха,
Он ищет путь спасти из западни
Себя и спутников своих несчастных;
Но замыслы его, увы, напрасны.
Как видно, дни страдальцев сочтены;
Однако, зная, что монах не предал веры,
А лишь по слабости последовал примеру
Ша-сэна и дурного Чжу Ба-цзе,
Что по неведенью они виновны все,
Пришли на помощь к Сюань-цзану духи:
С небесных круч они спустились вниз —
И мигом за оружие взялись.
Сам Сюань-цзан — тот не обидит мухи,
Без помощи ему не обойтись;
Вот силы грозные добра и зла столкнулись.
И небеса и горы содрогнулись,
Луна и солнце взор свой отвели
От сумраком одевшейся земли,
И в облака густые завернулись...
Взвились знамена, словно стаи птиц,
Гром загремел, как сотня колесниц,
Летящих сквозь клубящиеся тучи...
И барабанов слышен звук трескучий,
И гонгов душу ледящий звон,
Клич боевой и раненого стон,
И голос победителя могучий.

Враги врагов теснят со всех сторон;
Холодным светом вспыхивают копья,
С отточенными пиками скрестясь,
Огнем молниеносным осветясь,
Мечи с мечами сквозь тумана хлопья
Сшибаются в смертельной из сеч...
Но чья рука удержит дольше меч?
И духи зла и войско силы блага
Являют хитрость, мужество, отвагу,
Один — чтоб праведника уберечь,
Другие — чтоб в беду его вовлечь:
Так воины двух войск, разя с размаха, Сражаются за Танского монаха.

Царь оборотней удвоил яростный натиск и начал наседать всей своей оравой.

В этот решающий момент сражения вдруг раздался зычный крик Сунь У-куна:

— Я, Сунь У-кун, явился!

Чжу Ба-цзе кинулся к нему навстречу со словами:

— А поклажу принес?

— Какую там поклажу! Сам едва жизни не лишился, — ответил Сунь У-кун.

— Перестаньте ссориться! — крикнул Ша-сэн, держа в руках свой волшебный посох. — Бейте живей проклятых бесов!

Между тем бесы успели окружить кольцом всех небесных духов — повелителей созвездий, повелителей духов пяти стран света, Лю-дина и Лю-цзя, а сам царь оборотней, размахивая страшной палицей, бросился на троих спутников Танского монаха. Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн едва успевали отбиваться. Уже стемнело, и было очевидно, что никому не добиться победы. Солнце зашло за гору, а с востока, где высился морской пик, показалась луна. Царь оборотней, видя, что время позднее, пронзительно свистнул. Все бесы сразу же насторожились, а он тем временем достал свой волшебный талисман. Сунь У-кун успел заметить, как оборотень взял в руки волшебный мешок. Крикнув: «Дело плохо! Спасайся, кто

может!» — Сунь У-кун оставил Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, покинул всех небесных духов и одним прыжком через голову поднялся вверх и сразу же очутился на девятом небе.

Небесные духи, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн не сообразили, что им крикнул Сунь У-кун, и снова очутились в мешке. Одному только Сунь У-куну на этот раз удалось спастись.

Царь оборотней приказал дать отбой и вернулся со своим полчищем бесов в храм. Там он, как и в первый раз, приказал принести веревки и связал всех своих пленников. Танского монаха, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна он подвесил высоко к столбам храма, а коня привязал позади храма; духи тоже были крепко связаны, помещены в погреб и заперты на замок. О том, как все бесы выполняли распоряжения своего главаря, мы здесь рассказывать не будем.

Сунь У-кун спас себе жизнь тем, что одним прыжком оказался на девятом небе. Он увидел оттуда, как полчище бесов направилось обратно со свернутыми знаменами, и сразу же догадался, что им опять удалось взять в плен всех его товарищей. Он спустился по благовещему лучу вниз на восточную макушку горы и, скрежеща зубами от досады, бранил оборотня на чем свет стоит. Со слезами на глазах думал он о своем наставнике — Танском монахе и глядел в небо.

Он так горевал, что почти лишился голоса.

— О мой наставник! — причитал Сунь У-кун. — В каком прежнем перерождении тебе довелось совершить тяжкие грехи, за которые теперь ты несешь такое искупление. Ведь что ни шаг, то на твоём пути встречаются злые дьяволы и оборотни! Но на этот раз, кажется, ничего не придумаешь, чтобы спасти тебя. Как же быть? Что делать?

Долго он горевал и тяжело вздыхал один-одинешенек.

Но вот опять его осенила счастливая мысль. Он спросил сам себя: — Что за мешок такой у этого дьявола-оборотня? Как может уместиться в нем столько дружин? Мало того, поместились еще и небесные духи и полководцы? Я бы опять обратился за помощью к Нефритовому императору, но боюсь, что он рассердится на меня за назойливость. Помнится мне, что на севере прожи вает Чжэнь У. Его прозвище — Владыка неба, изгоняющий дьяволов. Сейчас он пребывает на горе Уданшань, что находится на южном материке Джамбудвипа. Отправлюсь-ка я к нему и попрошу выручить моего наставника!

Вот уж поистине:

Нет больше праведного пути

Куда коню с обезьяной идти?

Мысли с желаньями не по пути

Куда без хозяина им идти?

Коль вновь согласья не обрести,

Пяти стихиям уж не цвести!

Чем все это кончилось, вы узнаете, читатель, из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288191>